НАТАЛЬЯ МАСЛЕНКОВА

nmaslenkova@gmail.com

РАЗГОВОР О ЗАПРЕТНОМ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЯХ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Некоторые дискурсы в культуре связаны с вопросами цензуры: секс, насилие, власть. Изначально заданная жесткая нормативность поведения в этих областях заставляет индивида непременно соотносить собственное поведение с системой запретов, которые существуют в данном сообществе, и соответственно выстраивать собственные коммуникативные стратегии. В связи с этим возникает несколько вопросов: каким образом индивид, вторгаясь в сферу запретного, преодолевает барьеры внутренней и внешней цензуры в случае необходимости высказываться на эту тему? Есть ли различия в мужских и женских стратегиях преодоления этих барьеров?

Под цензурой в данном случае подразумевается не только «надзор за печатью с целью недопущения распространения вредных с точки зрения правительства произведений печати и учреждения, которым поручен этот надзор» (Брокгауз, Ефрон, электронный ресурс). Термин «цензура» употребляется здесь скорее в психологическом контексте: как «установка (нередко неосознаваемая), воспроизводящая во внутреннем мире личности официальные цензурные требования, вызванная страхом проявить в общении (устном или письменном) наказуемую свободу слова. Внутренняя цензура выступает в качестве разновидности конформного поведения индивида и препятствует свободному выражению его чувств и мыслей ввиду опасения возможных социальных санкций» (Петровский, электронный ресурс). В этом значении цензура выступает как составляющая нормативного поведения личности в обществе, когда общество задает некоторые границы поведения человека, в рамках которых реализуется некое эталонное поведение, соотносящееся с некоторым комплексом предписаний и ограничений (см. об этом (Ерасов,1994), а также, например, (Абушенко, электронный ресурс)).

Интерес к ситуации как культурному феномену в данном случае связан, во-первых, с проблемой «проговаривания» - порождения текста в коммуникативных практиках. Причем в данном случае в качестве провоцирующей высказывание причины выступает также текст - статья В.Михайлина «Древнегреческая "игривая" культура и европейская порнография Новейшего времени», вернее, та ее часть, которая касается древнегреческой культуры (Михайлин, 2003).

А во-вторых, интерес к ситуации связан с гендерной идентичностью отправителя и получателя текста, которая становится одним из основных

условий развертывания коммуникативной ситуации.

Мне кажется, что основная трудность анализа ситуации, которая порождает некий текст как сообщение, состоит в том, что подобные практики в большинстве своем проявляются как ритуалы повседневности: индивид реализует некую **неосознанную** схему поведения. Поэтому в ходе исследования необходимо было прежде всего провоцировать такое поведение, когда индивид вынужден нарушать установленные границы, запреты и публично высказываться на социально контролируемую тему (в нашем случае речь идет о сексуальности). Публичное высказывание побуждает коммуникантов обнаруживать границы между дозволенным и недозволенным.

Подобная ситуация предполагает присутствие и отправителя, и получателя сообщения в момент отправления и получения сообщения в одном физическом пространстве. В нашем случае в этом пространстве присутствовал еще и цензор, который наблюдал за процессом.

Эксперимент состоялся на семинарах, которые проводились мной в течение нескольких лет в рамках общеуниверситетского курса культурологии со студентами 4 курса физического факультета Самарского госуниверситета (эксперимент начался в 2003 году, но все цитаты, приведенные ниже, взяты с практических занятий в трех группах 2009 года). Студенты-физики как объект эксперимента, с моей точки зрения, явились более подходящими, так как отсутствие - в подавляющем большинстве – навыков и привычек гуманитариев не позволяло им типически реагировать на происходящее: к четвертому курсу студенты-социологи, филологи и культурологи как правило уже очень хорошо обучены говорить на щекотливые темы. Социальная сексология, карнавальная культура, эротика и прочее – довольно привычные темы в рамках гуманитарного образования, поэтому гуманитариям в качестве защитного механизма присуща некоторая циничность в поведении. Кроме того, они фактически обучены нарушать подобные запреты несколько раньше – на первом-втором курсах. И на первом курсе, скажем, филологи еще смущаются, когда речь идет о «Сатириконе» Петрония, культурологи чуть ли не зажмурившись пересказывают на практических содержание некоторых обрядов, например, инициации, а социологи изучают различные формы брака. На более поздних курсах гуманитарии более легко говорят сексуальных практиках, если это происходит в рамках учебных занятий: они совершенно четко отличают профессиональные и повседневные практики, и на семинарах требуемых условий для эксперимента создать не удалось бы (просто в моем распоряжении в основном студенты старших курсов ☺). Физики в этом смысле более щепетильны и, если так можно выразиться, более похожи на остальных «нормальных» людей, «не испорченных» гуманитарным образованием. Кроме того, гуманитарные специальности - это в основном женская аудитория, в то время как на физфаке есть представители обоих полов, причем в почти равных пропорциях.

Студентам было предложено на одном из практических занятий представить друг другу двумя способами – вербально и графически - содержание статьи В. Михайлина «Древнегреческая "игривая" культура и

европейская порнография Новейшего времени» (см.прим.1).

Здесь важно отметить несколько моментов. Во-первых, В.Михайлин затрагивает в статье темы, которые подвергаются в обществе жесткой цензуре – это гомосексуальность и детский секс. Во-вторых, преподаватель (то есть я), инициирующий коммуникацию, являлся составляющей контекста коммуникативного события. В ходе занятия преподаватель почти не вмешивался в событие, но присутствовал, наблюдая за ним. В любой момент можно было вмешаться, чтобы либо корректировать композицию происходящего, либо заявить запрет на то или иное действие, в том числе речевое, а самое главное – преподаватель мог «наказать» или «наградить» того или иного участника за его поведение. Это было особенно актуально, если учесть, что подобные занятия в принципе должны быть оценены в перспективе грядущего зачета. Таким образом, коммуникативное событие протекало в присутствии цензора, под его непосредственным наблюдением в реальном времени и пространстве.

А в-третьих, древнегреческие эротико-порнографические нюансы были неизвестны аудитории и, следовательно, «декодировались» ими в соответствии с нынешней культурной ситуацией и современным культурным опытом. При этом я никак не анонсировала тему, и следовательно, никак предвидеть ее и подготовиться к ней студенты не могли.

Все действие проходило следующим образом: текст статьи, касающийся именно древнегреческого периода, был разделен предварительно на четыре части. Студенты, в свою очередь, были разбиты на группы по 4 человека. Оговорюсь, что я использовала методику работы с текстом «Развитие критического мышления через чтение и письмо» (И.Загашев, С.Заир-Бек), которая полностью исключает преподавателя как интерпретатора текста. Каждый участник группы при этом как бы получил свой номер – номер один, номер два и т.д. На начальном этапе работы с текстом номера первые читали первый отрывок статьи, соответственно, номера вторые второй и т.д. За 15 минут они должны были не только прочитать свою часть текста, но и обсудить ее в группе, сделать какие-то записи, потому что по прошествии 15 минут я текст забирала, а они должны были вернуться в свои группы и, по очереди рассказывая свои отрывки, восстановить полностью весь текст статьи. И на следующем этапе работы через 20-25 минут они должны были представить свою интерпретацию статьи вербально и графически (в виде схемы, таблицы или рисунка на флипчарте или доске).

Получается, что студенты были поставлены перед необходимостью проговаривать текст как минимум два раза: в первый раз рассказывая свою часть статьи участникам своей группы, а во второй – представляя всю интерпретацию аудитории.

Таким образом, можно выделить как бы два уровня публичности. Самую первую ситуацию, когда студенты читают текст, я рассматривать не буду. Как правило, они читают текст про себя и предпочитают не обсуждать его, потому что боятся, что не запомнят содержание текста, который кажется им трудным и непонятным. Поэтому на этом этапе студенты стараются записать как можно больше из того отрывка, который им предстоит пересказывать. Хотя уже здесь

можно наблюдать их реакцию на текст: они высказывают недоумение по поводу содержания текста, предложенного им для практической, смеются, шутят по поводу странности предмета культурологии («я что-то не понимаю, у нас культурология или что?», «о-о-очень культурный такой текст!», «а зачем нам все это надо, это что про культуру что ли?»), почти всегда возмущаются тем, что текст «дурацкий», непонятный («И что вот это надо потом рассказывать??», «Чушь какая!») или провокационный («А рисунки перерисовывать?» (говорится обычно с насмешкой или издевкой), «Что, вот прям так и рассказывать про... про такой секс?»). Все реплики произносятся «в пространство» и адресованы скорее всего преподавателю, который принуждает их к работе с провокационным текстом. Эти реплики также показывают, что, несмотря на внешнее не-участие, присутствие преподавателя отслеживается и учитывается студентами.

Первый уровень публичности, на котором участники эксперимента сталкиваются с необходимостью нарушить некоторые барьеры цензуры, формируется в тот момент, когда каждый номер возвращается в свою группу, чтобы рассказать свой отрывок другим участникам группы. Работа в группах продолжается 20-25 минут, и за это время студенты несколько раз проговаривают содержание текста: (1) они по очереди пересказывают свои отрывки, (2) потом «собирают» текст воедино, чтобы договориться, о чем они будут говорить на следующем этапе и (3) как они могут изобразить содержание статьи. Надо отметить, что в этот момент студенты не воспринимают преподавателя в качестве цензора, так как он вроде бы непосредственно не участвует в действе, а всего лишь находится рядом (наблюдает). И когда наблюдаешь за ними, то создается впечатление, что они воспринимают свои группы как нечто отгороженное в пространстве, недоступное для «чужих», а само общение внутри группы как достаточно конфиденциальное. И сейчас цензорами фактически являются друг для друга только члены группы. Поэтому неудивительно, что участники эксперимента могут позволить себе, например, ненормативную лексику. Хотя это случается редко – обычно они все-таки предпочитают пользоваться эвфемизмами и общеупотребительной лексикой, но достаточно грубой стилистической окраски: «Ну, короче, у них был анальный секс, ну в ж...», «они с мальчиками и с девочками спали – им было все равно», «У них были такие слова, ну, щас, у меня тут... вот: «эрастес», эро..., эро..., блин, что написано...«эроменос», не знаю, что это, ну типа любовники, пассивный и активный, геи (ха-ха)».

Самая большая проблема, которая волнует всех студентов на этом этапе – «что рассказывать?» и – самое главное – «как?» Они явно нервничают и выказывают преподавателю неодобрение, говоря, что текст непонятный и «неудобный», что они не хотят «рисовать».

Своей кульминации эксперимент достигает во время публичной презентации содержания статьи. Специально оговаривается, что докладывать можно (и нужно) не в одиночку. Как правило, в процессе обсуждения статьи обязательно выделяются те студенты, кто более-менее разобрался (как им кажется) (см.прим.2) в содержании и кто в состоянии рассказывать. Также

стихийно один из участников группы начинает рисовать, и он же потом воспроизводит рисунок (или схему) на доске или флипчарте.

В результате нескольких лет наблюдений выяснилось, что поведение групп во время презентации различается по гендерному признаку. При этом возможны разные комбинации «отправитель - адресат».

Обычно презентерами являются девушки. Если группа гетерогендерная (в ней есть в наличии и девушки, и юноши), то докладывали именно девушки.

По сравнению с мальчиками девушки в публичном пространстве вели себя гораздо откровеннее: спокойствие, а в ряде моментов даже эпатаж девушек явно контрастировали с нервозностью мужской группы. Примером откровенного женского поведения в публичном пространстве может служить один из докладов. Девушки в качестве основной темы своего выступления избрали точку зрения на то, что есть порнография и где проходит граница между эротикой и порно. Автор статьи в данном случае послужил лишь поводом для собственных размышлений. В этой женской группе затрагивались вопросы, выходящие за рамки текста («мужики всегда были в обществе на первом месте. Даже грекам было интереснее знать о мужской гомосексуальности, а женские проблемы в сексе всегда в истории на втором месте»), а сам текст осмысливался не только на когнитивном, но и на эмоционально-образном уровне - с представлением порнографических рисунков, а также имитацией полового акта. Схема, которую нарисовали девушки, включала в себя изображение полового акта двух человечков в варианте анальной интромиссии. В ходе дискуссии девушки фактически продублировали этот рисунок вживую, более откровенно, так как использовали маркер как символическое замещение полового органа мужчины.

В то же время мужская группа попыталась максимально уйти от разговора на тему порнографии, мотивируя это тем, что они «выбрали другой интересный для них фокус рассмотрения». В данном случае разговор свелся к отношению к порнографии как жанру вообще и частоте обращения к нему участников группы. Причем девушки провоцировали мальчиков, направляя ход диалога в более рискованное русло, потому что именно интересовались, как часто и какую порнографию мальчики смотрят.

Если докладчиками в группе выступали девушки, то, как правило, они выбирали нейтральный научный стиль изложения и последовательно, в соответствии с логикой предложенного текста представляли материал. Если же докладчиками были юноши, то они в большинстве случаев демонстрировали смущение, угловатые жесты и ужимки, нервный смех и при этом абсолютно не представляли материал статьи, особенно те ее части, которые касались гомосексуальности. Было заметно, что для мужской части аудитории подобная тема является табуированной: даже намек на подобное поведение заставлял коммуникантов либо отводить взгляд и уходить от темы, либо провоцировал на активное осуждение факта гомосексуальности вообще. Так, уже при первом прочтении текста в группе один из молодых людей начал громко возмущаться, заявляя, что он не собирается читать «про гомиков». И эта истеричность наблюдалась каждый раз, когда юноши пытались высказаться на затронутую в

статье тему.

Если юноши являются отправителями сообщения, то они в любом случае и любыми способами избегают разговоров о мужской гомосексуальности. Они, как правило, очень стесняются и скованны в движениях. И ни в коем случае не упоминают слово «гомосексуальность». Поэтому и от содержания статьи почти ничего не остается.

Девушки-отправители, наоборот, не только методично и обстоятельно раскрывают эту тему, но и в присутствии мальчиков могут, например, устроить не только в виде пантомимы достаточно фривольные сцены. Например, одна из девушек, выходя к доске, поглаживала себя по бедрам и несколько раз повторила: «Я вся ваша» (жаль, что печатный текст не передает интонации). Это можно объяснить тем, что в данный момент тема разговора позволяет девушкам выступать одновременно и в роли учебной, и в роли гендерной, можно сказать, демонстративно сексуальной.

Несколько раз ситуация складывалась так, что в моем распоряжении была исключительно женская аудитория: по разным причинам в группе не оказывалось ни одного мальчика. И надо отметить, что поведение девушек кардинально меняется в случае, если в аудитории мальчики отсутствуют: притом что речь девушек остается достаточно откровенной, логичной, движения становятся скованными и неактивными, презентации превращаются в форму банального доклада по нарисованной на доске схеме. Создается впечатление, что из аудитории удален раздражитель.

Только один раз на занятие пришла чисто мужская, гомогендерная группа. Могу сказать, что мальчики, в отличие от девочек, мало изменили свое поведение, продолжали по-прежнему возмущаться темой и демонстрировать скованность. Но в данном случае никаких выводов делать, по-моему, не стоит, так как я в данном случае нарушала своим присутствием гомогенность среды.

Мальчики обычно ведут себя более вольно в качестве получателей сообщения. Они могут позволить себе реплики с места, по фривольности сравнимые с девичьими. Но опять же – они позволяют себе это только в отношении девушек, но никак не в отношении содержания статьи и уж тем более в отношении лиц мужского пола. Девушки же делают с места откровенные замечания в отношении лиц обоего пола.

Речевое поведение участников эксперимента также различается. Все участники, как было упомянуто, активно используют эвфемизмы (что вполне предсказуемо) и жесты при обозначении сексуальных действий, органов тела. Но девушки более свободно пользуются специальной лексикой, научными терминами для того, чтобы передать смыслы текста. Так, мальчики, как правило, долго мнутся, «мычат» и не решаются сформировать высказывание: «ммм... ну это... ну когда они так... ну в общем в этой позиции.. тогда они называются эрастос и, это, эроменос..». Иногда их выступление может служить ярким примером текста «ни о чем»: «Автор здесь говорит на историческую тему. Эта тема важна и актуальна для человека. И эта тема всегда была, потому что она затрагивает интересные для нас вопросы, во все времена. И проблема, которая касается эротики и порнографии тоже актуальна сейчас тоже, да. Поэтому здесь

речь идет о древних временах, когда эта тема тоже поднималась» и т.д. и т.п.

Девушки в данном случае высказываются более точно: «в случае гомосексуальных контактов активный партнер именуется эрастос, а пассивный - эроменос». Девушки могут употребить словосочетание «анальная позиция» или «гомосексуальная связь», чем вызывают обычно бурную реакцию у слушающих обоего пола. Эта реакция, несомненно, маркирует нарушение некоего табу, но вынужденное в данном случае условиями занятия и цензором-преподавателем.

Надо отметить, что присутствие преподавателя постоянно подчеркивается участниками процесса, несмотря на то, что сам преподаватель заявляет себя прежде всего как модератора. Студенты постоянно оглядываются на меня, проверяя мою реакцию на ту или иную реплику, или вообще представляют текст именно мне, а не аудитории. Иногда эти взгляды есть не что иное, как просьба разрешить жест или высказывание. В принципе, здесь разворачивается еще один уровень коммуникативного процесса: между контролирующей инстанцией, олицетворяющей общественную норму, и подконтрольной группой, испытывающей нормативные границы. В частности, когда кто-либо из коммуникантов пытается употребить грубую или обсценную лексику. В момент проговаривания коммуникант смотрит именно на преподавателя, потому что это высказывание предназначено именно ему: говорящий ожидает внешних санкций за нарушение употреблять подобную лексику в публичном пространстве. Обычно я пресекаю эти попытки, подтверждая установленный запрет. Как правило, они больше не повторяются. То же касается и жестов.

И самое интересное: ни одна из групп «не видит» в тексте темы детского секса. Эта тема не то, чтобы проговаривается – она совсем не прочитывается коммуникантами. Они не понимают данный аспект статьи, хотя он один из основных. В нашем сообществе детский секс является одним их наиболее жестких табу, и студенты просто бессознательно «не замечают» эту тему. Но не замечают только до тех пор, пока сам цензор не обратит на нее внимание и тем самым не разрешит говорить об этом. И даже в этом случае студенты повторяют те слова и выражения, которые употребляет сам преподаватель.

Здесь, конечно, играет роль тот факт, что физикам в принципе не знакомо слово «инициация», и данная аудитория не понимает, о смене какого статуса идет речь в статье. Так, студенты очень хорошо понимают и воспроизводят пассаж автора статьи о том, что «и в латинском, и в древнегреческом есть слова "разврат" и "развратник"» (Михайлин, 2003: 86). Но ни одна из групп не понимает, о чем идет речь, когда автор упоминает «символический код, четко увязанный в его сознании со вполне определенными поведенческими и ситуативными комплексами» (там же). Они не интерпретируют интересные, например, для меня как филолога изыскания, касающиеся древнегреческого слова «пэс»: им и в голову не приходит, что одно и то же слово может обозначать "ребенок", "девочка", "сын", "дочь" и "раб" (там же). И если они в состоянии понять, что общего между понятиями «ребенок», «мальчик» и «девочка» (в русском есть эквивалент среднего рода – «дитя»), то какое отношение имеет к ним всем «раб», они не могут пояснить. И уж тем более связать это с определенным сценарием сексуального поведения в

отношении «социально неполноценного» существа.

При этом интересно, что ни одна их групп отчетливо не выражает мысль о том, что современное отношение к гомосексуальности и детскому сексу существенно отличается от современного. Создается впечатление, что коммуникантам даже в голову не приходит сравнивать: они абсолютно несвободны размышлять на подобные темы. Фактически приходится указывать, про что можно думать и говорить и как это можно озвучивать в публичном пространстве. И это уже не проблема знаний коммуникантов: информация в статье присутствует, только вот студенты не в состоянии ее интерпретировать.

Здесь возникает еще один достаточно важный аспект проблемы: получается, что барьеры внутренней цензуры студенты демонстрируют очень наглядно. При этом они всегда жестко ориентируются на внешние ограничения и санкции. Важную роль в этом процессе играет цензор, в данном случае – я. Получается, что ответственность за нарушение социально установленных границ фактически полностью лежит на мне. И вообще само нарушение границы в рамках данного эксперимента зависит от того, как я выстрою ситуацию. Уже в самом начале я начинаю это делать, когда настойчиво напоминаю студентам о том, что они находятся на занятии. И они обычно уточняют это, с возмущением спрашивая, «это занятие по культурологии или что?» Можно предположить, что именно я отодвигаю границы цензуры (именно отодвигаю, а не убираю), когда превращаю ситуацию в учебную. То же самое происходит на занятиях со студентами-гуманитариями, о которых я писала выше. В принципе, ничего нового в этом механизме нет: примерно то же происходит в нашем общении с зубными врачами. Мало кому мы позволим залезть руками нам в рот, но если это ситуация профессиональной коммуникации, мы боимся, терпим, но позволяем.

Таким образом, можно предположить, что коммуникативные стратегии в ситуации контроля имеют достаточно отчетливую гендерную специфику. Самое свободное поведение демонстрируют девушки. Они спокойно высказываются не только по поводу секса как такового, но так же спокойно говорят и о нетрадиционных видах секса, и об однополых отношениях. Для юношей же данная тема явно запретна и не публична (имеются в виду именно публичные разговоры).

Наиболее откровенным поведение коммуникантов было, когда отправителем сообщения являлись девушки, а получателями – юноши или смешанная, гетерогендерная аудитория. При этом девушки могут и сформулировать и вербально, и невербально (при помощи жестов и рисунков) информацию о сексуальных отношениях, тогда как юноши не могут нарушить данные запреты, невзирая на то, кто при этом является получателем их сообщения. Но в качестве слушателей и зрителей мужская часть аудитории более вольна в поведении. И также есть такие темы, которые одинаково табуированы для обеих гендерных групп (например, тема детского секса).

Примечания:

1. Совершенно очевидно возникает проблема соотнесения всех этих типов текстовых ситуаций: а) текст научной статьи по поводу б) текста культуры, плюс к этому в) текст поведения и г) текст высказывания. Но в данном сообщении я только упомяну эту проблему.

2. Здесь возникает еще одна очень интересная проблема, весьма популярная в настоящее время в коммуникативистике – проблема интерпретации текста. Но я коснусь ее только в связи с барьерами цензуры.

Список литературы:

1. Абушенко В.Л. Норма // Энциклопедия социологии, http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0734.htm

2. Брокгауз и Ефрон. Малый энциклопедический словарь. (Электронный ресурс) - http://slovari.yandex.ru/dict/brokminor/article/41/41833.html

3. Ерасов Б. Социальная культурология Ч. 1-2. М.: Аспект Пресс, 1994. 592 с.

4. Михайлин В. Древнегреческая "игривая" культура и европейская порнография Новейшего времени // Неприкосновенный запас. 2003, № 3 (29). С. 85 – 92.

5. Петровский А.В. Социальная психология: Словарь. (Электронный ресурс) - http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex4/article/PS4/ps4-0059.htm